

Философское эссе

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-2-34-135-143>

Апофатика художественного мышления Алексея Витакера: встреча с Другим

Марианна Андреевна Дударева¹, Елена Леонидовна Черкашина²

¹ Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

marianna.galieva@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4950-2322>

² Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева Москва, Россия

bazilik@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1613-0147>

Аннотация. Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим интересом к онтологической проблематике искусства и литературы, что позволяет противостоять негативным следствиям процесса глобальной цифровизации общества. Материалом для изучения этого вопроса послужила поэзия известного барда Алексея Витакера, а именно его стихотворение из зимнего цикла «Потеряй меня в роще берёзовой...». Цель исследования — показать феномен апофатики культуры, проявившийся в русской художественной словесной культуре, в поэзии, на онтологическом (танатологическом) уровне текста.

Для достижения этой цели были проанализированы теоретические работы, посвящённые апофатической парадигме в мировой культуре, открывающие возможности для онтогерменевтического анализа художественного текста. В рамках онтогерменевтического, культурологического подхода к тексту изучены образные реализации этого феномена в современной поэзии, в творчестве А. Витакера, связанные с танатологическим кодом. Для достижения цели также обращаемся на типологическом уровне к текстам русской классики, стихотворению А. С. Пушкина «Зимняя дорога», стихотворению А. А. Блока «Россия», в которых реализуется апофатика как феномен культуры. Культурологическое рассмотрение понятия «апофатика» в его художественном срезе требует исследовательского внимания к фигуре Другого, с которым встречается лирический герой стихотворения в условиях зимней равнины, наделённой качествами апофатики и вписанной в «текст судьбы». Определяется онтологическая значимость фигуры Другого для меня (лирического «Я»): в какой мере важен для меня Другой, на сколько я готов к нему приблизиться. А. Витакер представляет художественную формулу встречи с Другим в ситуации порога, когда его лирический герой находится на грани жизни и смерти. Результаты исследования заключаются в выявлении культурфилософского потенциала современной поэзии для

дальнейшего изучения проблемы апофатики как феномена русской художественной культуры, проявления национального бытия в отечественной литературе. Результаты работы могут быть интересны филологам, включающим литературу в пространство большого бахтинского диалога культур, а также могут быть использованы в преподавании курсов по культурологии и философии.

Ключевые слова: русская культура, современная литература, русская философия, апофатика, танатологический текст, А. С. Пушкин, М. М. Бахтин, фигура Другого, творчество А. Витакера, метель

Для цитирования: Дударева М. А., Черкашина Е. Л. Апофатика художественного мышления Алексея Витакера: встреча с Другим // Концепт: философия, религия, культура. — 2025. — Т. 9, № 2. 135—143 С. — <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-2-34-135-143>

Research article / Philosophical essay

The Apophatics of Alexey Vitakov's Artistic Thinking: Meeting with the Other

Marianna A. Dudareva¹, Elena L. Cherkashina²

¹ The Kosygin State University of Russia, Moscow, Russia;
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russia
marianna.galieva@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0002-4950-2322>

² Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia
bazilik@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-1613-0147>

Abstract. The relevance of this study is due to the growing interest in the ontological issues of art and literature, which today allows us to resist the global processes of digitalization of society. The poetry of the famous bard Alexey Vitakov, namely his poem from the winter cycle "*Lose me in a birch grove ...*", served as material for studying this issue. The purpose of the study is to show the phenomenon of apophatic culture, manifested in Russian artistic verbal culture, in poetry, at the ontological (thanatological) level of the text. To achieve this goal, theoretical works devoted to the apophatic paradigm in world culture were analyzed, opening up opportunities for onto-hermeneutic analysis of the artistic text. In modern cultural studies, the phenomenon of apophatic artistic culture is considered through the manifestation of the thanatological code. Within the framework of the onto-hermeneutic, cultural approach to the text, figurative implementations of this phenomenon in modern poetry, namely in the work of A. Vitakov, associated with the thanatological code, were studied. Additionally, the analysis extends to the typological level of the texts of Russian classics, the poem by A. S. Pushkin "*Winter Road*" and the poem by A. A. Blok "*Russia*", in which apophatics is expressed as a cultural phenomenon. A cultural examination of the concept of *apophatics* in its artistic cross-section requires research attention to the figure of the Other, a figure endowed with apophatic qualities and inscribed in the "*text of fate*", whom the lyrical hero of the poem meets in the conditions of a winter plain. The ontological significance of the figure of the Other for me (the lyrical Me) is determined: to what extent is the Other important for me, how ready am I to approach him. A. Vitakov presents an artistic formula for meeting the Other in a threshold situation, in which his lyrical hero is on the verge of life and death. The results of the study consist in identifying the cultural and philosophical potential of modern poetry for further study of the problem of apophatics as a phenomenon of Russian artistic culture, a manifestation of national existence in Russian literature. The analysis of poetry makes it possible not only to outline new approaches to works of art in literary

criticism, but also to treat differently the issue of studying apophaticism as a phenomenon of Russian literary culture. The results of the work may be of interest to philologists who include literature in the space of the great Bakhtinian dialogue of cultures, and can also be used in teaching courses on cultural studies and philosophy.

Keywords: Russian culture, modern literature, Russian philosophy, apophaticism, thanatological text, A. S. Pushkin, M. M. Bakhtin, the figure of the Other, the work of A. Vitakov, snowstorm

For citation: Dudareva, M. A., Cherkashina, E. L. (2025) 'The Apophatics of Alexey Vitakov's Artistic Thinking: Meeting with the Other', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 9(2), pp. 135–143. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-2-34-135-143>

Введение

Философы и художники слова во все времена размышляли о смерти, что позволяло им приблизиться к пониманию сущности бытия. После смерти что ждёт нас? Смерть апофатична по природе своей, она есть тайна великая, которую стремится разгадать и простой человек, и учёный, и поэт. Но что ждёт человека до рождения, до выбрасывания его в этот явный мир? Так вопрос ставится не часто: в художественном пространстве нашей словесности, пропитанной мыслью о Смерти, обычно писатель подводит нас к порогу, изображая последний час (Игнатий Брянчанинов, «Слово о смерти»; И. С. Тургенев, «Смерть»; Ф. М. Достоевский, «Бобок»; Л. Н. Толстой, «Смерть Ивана Ильича»; М. Горький, «Наваждение»; И. А. Бунин, «Чаша жизни»; С. А. Есенин, «Чёрный человек»; В. Распутин, «Последний срок», и т. д.). Очень многие произведения русской классической литературы хранят в себе танатологический (то есть отчасти и апофатический) код, который проявляется в поэтике авторов разных школ и эстетических направлений и в фольклорном, и в религиозном аспектах [Галиева, 2014; Дударева, Кольцова, 2021; Дударева, Никитина, 2023].

Коды, фреймы смерти, с одной стороны, всегда по-разному художественно реализуются в авторской поэтике, поскольку у каждого писателя своё ощущение смерти, представление о пороге, — отсюда и богатый мировой художественный танатологический опыт. С другой стороны, танатологический код — один из самых устойчивых в культуре, поскольку физическая жизнь человека конечна, а духовная — бесконечна, и опыт *sensus mortis* передаётся от одного поколения другому по принципу *вертикальной трансмиссии культуры*. Мы также знаем, что философский разговор о смерти требует размышлений о бинарной оппозиции «живое — мёртвое», которая является фундаментальной и устойчивой для художественной словесности. По этим причинам Танатос всегда связан с Эросом, в смерти реализуется тайна двойного, она связана с апофатикой рождения/жизни [Дударева, Черкашина, 2024].

Апофатику сегодня понимаем культурологически широко, хотя представление о ней находим в первую очередь в работах философов и богословов: «...всякая подлинная философия имеет свой апофатический горизонт, любое философское наследие является источником апофатических воззрений»¹. Апофатическую парадигму мировой культуры мы изучаем по трудам

¹ Дробышев В. Н. Апофатическая рациональность и ее трансформация в современной западной философии: диссертация ... доктора философских наук : 09.00.03. Санкт-Петербург, 2016. С. 9.

Аристотеля, Платона, Дионисия Ареопагита, Григория Нисского, немецкого мистика М. Экхарта, Н. Кузанского, С. Франка, А. Ф. Лосева [Грачев, 2019; Филин, 2017] и др. Однако к этому понятию в последнее время обращаются учёные из разных областей гуманитарного знания, философы² [Гуревич, Спирова, 2019; Тульчинский, 2020], филологи³ [Елепова, 2012; Энгстрем, 2010; Татаринова, 2011], исследующие Абсолюты Красоты, Любви в русской поэзии, культурологи [Океанский, 2010; Дударева, Черкашина, 2024], изучающие апофатизм русского космо-психо-логоса, проявившийся в танатологическом тексте культуры.

Ens rationis

Возьмём для онтогерменевтического анализа стихотворение современного поэта, барда Алексея Витакова «Потеряй меня в роще берёзовой...», поражающего своим полетом мысли не в *посмертие*, о котором вся мировая мифология нам повествует, а в *предрождение*. Какими глазами я вижу этот мир до возникновения меня в нём? На этот сакральный вопрос отвечает А. Витаков в *зимнем* стихотворении, в котором проявляется *апофатическое мышление*, связанное с художественной реализацией фундаментальной оппозиции «жизнь — смерть». Прочитируем первую строфу стихотворения:

Потеряй меня в роще берёзовой.
Скрип стволов отдаётся в спине.
Помню, так снег скрипел под полозьями.
Я летал и смеялся во сне⁴.

В первой строфе мы интуитивно чувствуем обратный ход времени: потеряй — оставь — забудь безвозвратно, *закинь* меня в другое время, о котором ты (мой Другой,

в бахтинском понимании) и сам не подзреешь. Фигура Другого является одной из ключевых в философии М. М. Бахтина [Демидова, 2016]. Через Другого мы смотрим на самих себя, и наши поступки совершаются в этической плоскости. А. Витаков обращается к феномену (ноумену) Другого, Третьего, который позволяет через призму времени посмотреть на себя и свою жизнь со стороны, и при этом оставить себя Другого (реализуется, по М. М. Бахтину, на онтологическом уровне схема «Я — Другой»). Такая оставленность предполагает скорую смерть, заставляет предчувствовать Её (пишем здесь с заглавной буквы, понимая смерть как Абсолют культуры), как у О. Э. Мандельштама:

Я блуждал в игрушечной чаще
И открыл лазоревый грот...
Неужели я настоящий
И действительно смерть придёт?⁵

И, отметим, у акмеиста тоже есть этот мотив потерянности (глагол *блуждал* семантически заряжен), который сопряжён с *танатологическим текстом*. Не ошиблись ли мы? Может, стихотворение А. Витакова о смерти? О разрешении Её тайны? Но его лирический герой просит его оставить, чтобы обрести, познать себя прежнего (Другого). У Виктора Шкловского интересно наблюдение об онтологии памяти: «Две опасности есть у человека, который начинает писать воспоминания. Первая — писать, вставляя себя сегодняшнего... Вторая опасность — вспоминая, остаться только в прошлом. <...> Надо писать о прошлом, не вставляя себя сегодняшнего в прошлое, но видя прошлое из сегодняшнего дня»⁶. Но А. Витаков смотрит не только на себя прежнего, но и на тех, кто породил его, в *мир этот* привёл:

² Логинова М. В. Онтология выразительности в культуре XX века: диссертация ... доктора философских наук: 24.00.01. Саранск, 2003. 366 с.

³ Михайлова М. Ю. Семантика невыразимого и средства её передачи в русском языке: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01. Уфа, 2017. 322 с.

⁴ Витаков А. Под северным солнцем // День литературы. 2019. 9 окт. URL: <https://denliteraturi.ru/article/4420>

⁵ Мандельштам О. Э. Сочинения: Стихотворения. Проза. Эссе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 21.

⁶ Шкловский В. Жили-были. Воспоминания, мемуарные записи, повести о времени: с конца XIX в. по 1964 г. Москва: Советский писатель, 1966. С. 415.

Был январь. Ночь кололась иголками.
Фыркал конь, выбиваясь из сил.
И деревня темнела над Волгою.
Только снег новогодний светил.

От Макарова до Никулино
Путь-дорога зимой не близка.
Дядька Федя в тулупе прокуренном
Про какого-то пел ямщика.

Где-то Рыбинск пыхтел в небо трубами.
Сани звякали медным кольцом.
Мать с отцом обнимались под шубами
И дышали друг другу в лицо⁷.

Однако мы понимаем, что не *вдруг*, не в любой момент времени, возможно открытие этой тайны, или, выражаясь языком высокой культурологической мысли, Иерофании (понятие сакральной реальности даёт М. Элиаде [Элиаде, 1994: 17]), а лишь в определённый поворотный момент годового космического цикла, который русский человек от звезды рождественской, воды крещенской до вод купальских, лонных проживает. Этот сакральный календарь особенно полно и этнографически точно представил в своём творчестве С. А. Есенин (подробнее об этом в его трактате «Ключи Марии»).

Январь, как время Рождества, таинства крещения, символизирует новую жизнь, из самых глубин к нам поднимающуюся, которую может осветить (и освятить) новогодний чистый снег. Здесь и проявляется апофатичность мышления поэта, у которого без цвета (вне его) свет возникает — Божественный: «И деревня темнела над Волгою. // Только снег новогодний светил»⁸. Это потаённое свечение всю нашу поэтическую мысль пронизывает. Ближайшее его проявление, из современников и коллег по перу А. Витакера, у Валерия Дударева:

Лишь потаённое сияние
Навстречу северной луне
Мелькнёт, как память,
как страдание,
И оборвётся в тишине,
Страстей и сроков человечества
Загадку вечную храня...
Быть может, там и есть
Отечество,
По крайней мере, для меня⁹.

И снова это сияние — зимнее, северное — возникает как бы само по себе, но является непреходящим, Нетварный свет знаменующим. Дальше спускаемся по временной оси и обнаруживаем этот *несказанный свет* в поэтике С. А. Есенина («Письмо матери») и А. А. Блока («Мы живём в старинной келье...»). Но, конечно, без *голоса* А. С. Пушкина, его «Зимней дороги», здесь не обойтись. У В. Дударева в процитированном стихотворении «Всё дальше в северную сторону...» эпиграф пушкинский — «Ни огня, ни чёрной хаты». У А. Витакера ямщик появляется из того же зимнедорожного стихотворения: «Дядька Федя в тулупе прокуренном / Про какого-то пел ямщика»¹⁰. И в этом неопределённом местоимении кроется не пренебрежение к литературному пушкинскому ямщику, а величие его и преклонение перед ним. *Какой-то* — непостижимый рационально, потому что нашего ямщика, как и Россию, умом не понять. Ямщик уподобляется Харону, но не столько переправляет человека из одного пункта в другой, сколько сопровождает его на всем инициационном пути, являясь фигурой лиминальной, то есть переходной. Здесь лиминальность понимаем как особое состояние героя, пребывающего между *тем* и *этим светом*, жизнью и смертью [Тэрнер, 1983: 169]. У А. С. Пушкина в зимнедорожном цикле ямщик тоже выполняет

⁷ Витакер, 2019.

⁸ Витакер, 2019.

⁹ Дударев В. «Есть в России тихие долины...» // Север. 2013. №. 9–10. С. 3.

¹⁰ Витакер, 2019.

функции проводника между мирами, его образ вписан в фундаментальную парадигму «жизнь — смерть». Однако было бы наивно полагать, что у А. Витакера лирический герой видит только себя и своих родителей до рождения, это только первый план, соответствующий читательскому горизонту. В стихотворении поэт нас погружает в художественную энтелехию культуры: его лирический герой видит, во-первых, и будущих родителей, в будущее заглядывая, во-вторых, и прошлое, до него бывшее и уже вечное, а именно пушкинского ямщика, русскую повозку, тройку, со звоном скачущую по нашей апофатической равнине. В этом случае мир земной, который проявится (лирический герой родится на свет), и мир идеальный, художественный сходятся в стихотворении А. Витакера, где можно расслышать не только пушкинский голос, но и блоковский и бунинский. И вот почему.

В стихотворении А. Блока «Россия» (1908), в котором аксиологически и онтологически проявлена пушкинская «Зимняя дорога», инициационный путь лирического героя озаглавлен уже не лёгким переливом колокольчика, а звоном кандалов. В этом контексте мы уже с акмеологических позиций смотрим на жизненный (преджизненный) путь героя, которому как бы разрешено не только обозреть свою будущую жизнь, но и поэтически судьбу России понять. Но в этом подглядывании за двумя (отцом и матерью) в саях нет грубого эротизма, хотя мы и предчувствуем поцелуй («дышали друг другу в лицо»), а есть высокий модус любви, которая может ещё и не сбыться:

Я сто раз просыпался и, путая
С явью сон, невпопад лепетал.
И смеялся — казались мне глупыми
Мать с отцом. А потом улетал¹¹.

Лирический герой может сделать выбор — не родиться, не приходить в этот мир, вернуться в мир горний, идеальный. Сон,

по славянским народным представлениям, приравнивается к временной смерти, но у А. Витакера сон дан как состояние до рождения, которое тоже, как и смерть, воплощает в себе тайну двойного начала (рождение в этот мир — как смерть). Ситуация разворачивается на грани было / не было, между жизнью и смертью, что является характерной чертой русской художественной метафизики. В раннем «зимнем» стихотворении И. А. Бунина сталкиваемся с ситуацией возвращения героя не просто в утробу матери, а в утробу Вселенной:

Помню — долгий зимний вечер,
Полумрак и тишина;
Тускло льётся свет лампы,
Буря плачет у окна.

«Дорогой мой, — шепчет мама. —
Если хочешь задремать,
Чтобы бодрым и весёлым
Завтра утром быть опять, —

Позабудь, что воеет вьюга,
Позабудь, что ты со мной,
Вспомни тихий шёпот леса
И полдневный летний зной;

Вспомни, как шумят берёзы,
А за лесом, у межи,
Ходят медленно и плавно
Золотые волны ржи!»
И знакомому совету
Я доверчиво внимал
И, обвеянный мечтами,
Забываться начинал.

Вместе с тихим сном сливалось
Убаюкиванье грёз —
Шёпот зреющих колосьев
И невнятный шум берёз...¹²

Шёпот леса, потаенное колыхание ржи, рост колосьев можно понять только апофатически, дорационально, до *врождения* в этот мир. В чистоте своего бытия, до своего «Я», *самое само* вещи постигая,

¹¹ Витакер, 2019.

¹² Бунин И. Стихотворения. Ленинград: Совет. пис., 1961. С. 88–89.

её *смысловое зачатие*, о чём писал ещё в начале XX в. философ А. Ф. Лосев в трактате «Самое само»: «...при малейшем трепете разума, при мельчайшем акте сознания или смысла — повторяется целиком и торжествует свою властную победу эта абсолютная неисповедимость первых смысловых зачатий» [Лосев, 1999: 520].

Заключение

Стихотворение «Потеряй меня в роще берёзовой...» значимо в историко-философской перспективе: автор ставит перед нами проблему Другого, встречи с ним и восприятия его (я могу быть потенциально Другим, я могу принимать или не принимать Другого, наконец, мы сталкиваемся с иным миром как с Другой абсолютной реальностью). Это скромное по объёму

произведение представляет собой художественный сгусток русской культуры, философский потенциал которого велик: лирический герой видит себя в образе Другого (в бахтинском понимании «я — другой»), до рождения трансцендирует за пределы собственного «Я». Я вижу себя потенциально Другим по отношению к самому себе, я могу сделать нравственный выбор, каким мне быть, когда мне доступно обозреть моё будущее, — такую возможность предлагает своему лирическому герою современный поэт. Об этом говорил в своих лекциях по антропософии философ Р. Штайнер в начале XX в. — подобное «сближение» на наш взгляд правомерно, но требует отдельного научного исследования, с учётом того, что в поэзии А. Витакера проявились также традиции культуры Серебряного века.

Список литературы:

- Федорова Е. С. О красоте и чести. Жизнеописание потомка Рюрика князя Никиты Дмитриевича ЛобГалиева М. А. "Власть земли". Фольклорная традиция в творчестве С. А. Есенина и В.Г. Распутина // Традиционная культура. 2014. № 3. С. 28–37.
- Грачев В. И. Культурфеномен апофатики «Диалектики мифа» А.Ф. Лосева в контексте топохронно-аксиогенной парадигмы культуры // Культура культуры. 2019. № 3. С. 10. URL: <http://cult-cult.ru/cultures-the-phenomenon-of-apophatic-the-dialectics-of-myth-by-a-f-losev>
- Гуревич П., Спирова Э. Наука в горизонте апофатики // Философская антропология. — 2019. — Т. 5, № 1. — С. 6–25. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2019-5-1-6-25>
- Демидова Е. В. Проблема познания Другого в философии поступка М. М. Бахтина // Этическая мысль. — 2016. — Т. 16, № 1. — С. 66–76.
- Дударева М. А., Кольцова Н. З. Апофатика края в поэме Валерия Дударева «Петушки — Кохма, далее нигде» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2021. — Т. 23, № 76. — С. 92–97. <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2021-23-76-92-97>
- Дударева М. А., Никитина В. В. Лексико-семантическое поле «родина» в поэзии Валерия Дударева: национальная топики // Казанская наука. — 2023. — № 8. — С. 29–31.
- Дударева М. А., Черкашина Е. Л. Апофатика русской жизни в поэзии Андрея Попова // Казанская наука. — 2024. — № 5. — С. 197–199.
- Елепова М. Ю. Эстетика В. А. Жуковского в апофатическом контексте // Дискуссия. — 2012. — № 4. — С. 176–178.
- Лосев А. Ф. Самое само: Сочинения. — Москва: ЭКСМО-Пресс, 1999. — 1021 с.
- Океанский В. П. Человек и тотальность: поэтика пространства и ее кризис. — Иваново: ШГПУ, 2010. — 356 с.
- Татарина О. В. Принципы апофатической поэтики в творчестве А. И. Введенского // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 7. — С. 357–359.
- Тулчинский Г. Л. Уроки А. Платонова в осмыслении рационализации социальной жизни // Наследие. — 2020. — № 1. — С. 32–44. <https://doi.org/10.31119/hrtg.2020.1.2>

- Тэрнер В. Символ и ритуал. — Москва: Наука, 1983. — 277 с.
- Филин Д. А. Апофатика Платона // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2017. — № 41-2. — С. 42–48.
- Элиаде М. Священное и мирское. — Москва: Изд-во МГУ, 1994. — 143 с.
- Энгстрем М. Апофатика и юродство в современной русской литературе // Slovo: Journal of Slavic Languages and Literatures. — 2010. — Vol. 51. — P. 129–140.

References:

- Engström, M. (2010) 'Apophaticism and Jurodstvo in Contemporary Russian Literature', *Slovo: Journal of Slavic Languages and Literatures*, 51, pp. 129–140. (In Russian).
- Tatarinova, O. V. (2011) 'Principles of apophatic poetics in works of A. I. Vvedensky', *Theory and Practice of Social Development*, (7), pp. 357–359. (In Russian).
- Demidova E. (2016) 'Cognition of the other in M. M. Bakhtin's philosophy of the act', *Ethical thought*, 16(1), pp. 66–76. (In Russian).
- Dudareva, M. A. and Cherkashina, E. L. (2024) 'Apophatica of Russian Life in the Poetry of Andrey Popov', *Kazanskaâ nauka*, (5), pp. 197–199. (In Russian).
- Dudareva, M. A. and Koltsova, N. Z. (2021) 'Apophatic of a Fatherland in Valery Dudarev's Poem "Petushki — Kokhma, Further Nowhere"', *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Medicobiological Sciences*, 23(76), pp. 92–97. (In Russian). <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2021-23-76-92-97>
- Dudareva, M. A. and Nikitina, V. V. (2023) 'Lexico-semantic Field "Homeland" in Valery Dudarev's Poetry: National Axiology', *Kazanskaâ nauka*, (8), pp. 29–31. (In Russian).
- Elepova, M. Yu. (2012) 'V. A. Zhukovsky's sthetics in the apophatic context', *Discussion*, (4), pp. 176–178. (In Russian).
- Eliade, M. (1965) *Le Sacré et le Profane*. Paris: Gallimard. (Rus. ed.: (1994) *Svjashhennoe i mirskoe*. Moscow: MSU Publ.).
- Filin, D. A. (2017) 'Plato's Apathetic Theology', *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, (41–2), pp. 42–48. (In Russian).
- Galieva, M. A. (2014) 'Vlast' zemli. Fol'klornaja tradicija v tvorchestve S.A. Esenina i V. G. Rasputina [The Power of the Land. Folklore Tradition in the Works of S. A. Yesenin and V. G. Rasputin]', *Traditional culture*, (3), pp. 28–37. (In Russian).
- Grachev, V. I. (2019) 'Cultures the Phenomenon of Apophatic "the Dialectics of Myth" by A. F. Losev in the Context Topochron-axiogenic Paradigm of Culture', *Culture of culture*, (3), p. 10. (In Russian).
- Gurevich, P. and Spirova, E. (2019) 'Science in the Apophatic Horizon', *Philosophical anthropology*, 5(1), pp. 6–25. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2019-5-1-6-25>
- Losev, A. F. (1999) *Samoe samo: Sochinenija* [The very thing: Works]. Moscow: Exmo Publ. (In Russian).
- Okeansky, V. P. (2010) *Chelovek i total'nost': pojetika prostranstva i ee krizis* [Man and totality: poetics of space and its crisis]. Ivanovo: ShGPU Publ. (In Russian).
- Tulchinskiy, G. (2020) 'A. Platonov's lessons in understanding the social life rationalization', *Heritage*, (1), pp. 32–44. (In Russian): <https://doi.org/10.31119/hrtg.2020.1.2>
- Turner, V. (1969) *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315134666> (Rus. ed.: (1983) *Simvol i ritual*. Moscow: Nauka Publ.).

Информация об авторах

Марианна Андреевна Дударева — доктор культурологии, доктор филологических наук, заведующая кафедрой общей и славянской филологии Института славянской культуры, Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 117997, г. Москва, ул. Садовническая, 33; профессор кафедры журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 603950, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23 (Россия)

Елена Леонидовна Черкашина — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и общетеоретических дисциплин, Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К. А. Тимирязева, 127550, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 49 (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Marianna A. Dudareva — Doctor of Cultural Studies, Doctor of Philology, Head of the Department of General and Slavic Philology, Institute of Slavic Culture, The Kosygin State University of Russia, 33, Sadovnicheskaya street, Moscow, 117997; Professor of the Department of Journalism, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. 23, Gagarin avenue, Nizhni Novgorod, 603600 (Russia)

Elena L. Cherkashina — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language and General Theoretical Disciplines, Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy, 49, Timiryazev street, Moscow, 127550 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 07.03.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 19.05.2025.

The article was submitted 07.03.2025; approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication 19.05.2025.